

Валерий ДУДАРЕВ

СТРЕЛА

Древний мир живущим не по силам —
Нам осталась таинства зола.
Сквозь века настигла и пронзила
Русича ордынская стрела.

Отмычал пасущийся ветрище.
Отскулил доверчивый гобой.
И разбилось русское ветлище —
Дерево, взметенное судьбой.

Знало все оно про колыбели,
Про дымы над каждую трубой,
Понимало трели и метели
И держало небо над собой.

Встарь взошли погост и деревенька,
А теперь вот город заложен.
Тяжела последняя ступенька
Золотых бревенчатых времен.

Планомерно забивают сваи,
Вырывают корни из земли,
И звенят далекие трамваи,
Словно страны дальние
вдали.

ТАМАНЬ

Долька в небе.
Долька в море.
Долька-месяц там и тут.
Как прожить в таком просторе
Даже несколько минут?!

Весь простор велик и черен —
Блещут молнии одне!
Но не тонет мой Печорин
В набегающей волне.

Валерий Федорович Дударев — русский поэт, главный редактор журнала «Юность». О поэзии Дударева писали Лев Аннинский, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Алла Марченко, Новелла Матвеева, Инна Ростовцева и другие.

Долька-лодка по стихии,
Всем ветрам малым-мала,
Носит тихие, лихие
Контрабандные тела:

Нож в руке горит — проворен,
Чик по горлу — и ко дну...
Не утонет друг Печорин.
Я скорее утону.

ИЗ ЦИКЛА «РУССКИЕ БАБУШКИ»

* * *

Она иных не слаще,
Столичная зима!
Безлюдно,
 словно в чаще!
Облезлые дома!

Под лавкой мерзнет гулька,
А рядом,
 хоть потоп,
Собачка
 да бабулька
Топ-топ себе,
 топ-топ!

Позвякает сосулька,
Собачка поскулит,
Поморщится бабулька:
Болят
 чи не болят?

А муж, Василий Палыч,
У ту войну погиб.
Сыночки запропали.
Сын — Хведор,
 сын — Пилип.

А ценоповышенье
Накинуло хлопот.
А год ее рожденья
На тыща восемьсот!

Попробуй-ка пройтись
От дома до ворот —
Когда твоя денница
На тыща восемьсот!

А ей еще грустится
О Боге,
 о царе,
О внучке,
 о пшенице...
Темнее во дворе.
Поземка подгоняет.
Собачка пристаёт.
Душа не понимает,
Который нынче год!
— Неужто это, Жулька,
Расейские места?
Топ-топ, топ-топ, бабулька.
Святая простота!

ПРОВИНЦИЯ

Пока вселеновы ковши
Над нами счастье проливают —
Ты целый мир любить спеша,
Куда б ни вывела кривая!

Прощанье — что?
 Прощанье — дым!
Дымит, прощается эпоха.
Ты на земле необходим,
Здесь без тебя кому-то плохо.

Пусть побеждают миражи!
В них канет каждая из весен,
Но ты, прощаясь, расскажи:
О, сколько в мире верст и ветел!

В забытых Богом городах
Который век кипит работа!
В них цел языческий размах,
В них византийское есть что-то.

В них вишня каждая цветет
На грани ада или рая,
И отрок ясный пропадет,
Судьбу Рублева избирая.

Пока часовни на Руси
Еще остались у обочин,
Ты клятву в ночь произнеси
Неутолимей и короче!

Провинция!
Вот часослов!
Ни грай,
ни публика столичья
Не затемнят колоколов
Ее скитаний
и величья.

ПАМЯТИ НОВЕЛЛЫ МАТВЕЕВОЙ

Новелла тихо померла —
Предельно поздно.

Под утро божьи помела
Сметали звезды,
И зайчик солнечный уже
Плясал, качался —
На камергерском этаже
Все, как в начале...

Нет!
Не отлили монумент
В цеху особом,
И ни студент, ни президент
Не шли за гробом.
Челнок лишь в жажде новых вех —
Скрипел, качался.
Но тут совсем не человек —
Тут жанр скончался!
Тут переделал Чехов «Нос»,
А Гоголь — «Чайку»,
Тут не шекспировский вопрос
Про чрезвычайку...

Жасмин любила невпопад,
С гвоздями ветер —
Жила-была землю над
На белом свете.

* * *

Жизнь течет какая-никакая.
Дождь течет, осенний, под откос.
Вот и я уже не понимаю:
Что природу тронуло до слез?

Есть в душе огни и переливы!
Есть в душе вопросы и мечты!
Я умру спокойным и счастливым,
Но такой не будет красоты,

ИЗ ЦИКЛА «К МАРИАННЕ АНДРЕЕВНЕ»

1. ПОРТРЕТНОЕ

Как к вознесенному Христу,
Непревзойденному мосту,
Наипростейшему кусту,
Чьи ветви — даль и высь,
Как к приземленному холсту,
Молниеносному персту,
Наизаветному посту,
Ко мне ты отнесись.

2. МАГИЯ

Звонко в доме!
Яти,
еры,
ери
Из глубин какого языка
Открывают наши с вами двери —
И улыбка кажется легка?
И неважно, люди или Боги
Пролистают этот пыльный том:
Подведут веселые итоги,
Перепишут важное в альбом.
И черед останется за малым —
Из глубин какого языка
Позовут высокие хоралы,
Вспыхнут грозовые облака.

3. БОГИНЯ

Какое пространство молчало!
Какие сбывались мечты!
Светило то жарко, то ало,
Стеснялось своей наготы.
То версты,
то ветлы,
то ветры
(О, даже при мысли о Ней!) —
То самые темные ветви
Тотчас становились темней.

То золы каминные пели
В трубе, словно в царстве теней.
В лесах погребальные пеплы
Кострищ становились темней.

Лучам Ее не было ниши!
Надтреснута завязь в узле!
Слабея,
 темнее и тише
Мы ждали Ее на земле.

4. СЛЕД

Подорожники!
 Бренными,
Ну, а все же дорожками!
Мы блуждаем вселенными —
Заревые,
 дотошные.

За гримасами,
 жестами —
Воскрешенные лица!
След второго пришествия
Нескончаемо длится.

В погребальной эмоции
Все березы из ситца.
Сны Есенина,
 Моцарта
Разве могут не сбыться?

5. ПЛЁС

Сколько слез,
Ты помнишь Плёс?

Для иной судьбы не плох
Венчик блоковский из роз —
Даже гоголевский Нос,
Ох!

В левитановский утес
Веткой Врубеля пророс
Бог.